
ФИЛОСОФИЯ

А. А. Корольков

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ФИЛОСОФИИ А. И. ГЕРЦЕНА

Автором дана оценка антропоцентризма философии Герцена на основе опыта русской истории истекших двух столетий. Раскрыты противоречия Герцена в поисках перспектив развития общества и личности, его критика западной цивилизации и русской религиозности.

Ключевые слова: антропоцентризм, личность, народ, свобода, либерализм, консерватизм, классическая философия.

А. Korolkov

Anthropocentrism of A. Herzen's Philosophy

In the article the author gives an assessment of anthropocentrism of Herzen's philosophy on the basis of the Russian history experience of the two last centuries. Herzen's contradictions in search of prospects of the development of the society and the personality, his critique of the western civilization and the Russian religiousness are considered.

Keywords: anthropocentrism, personality, folk, freedom, liberalism, conservatism, classical philosophy.

Пока человек готов принять всякое звание,
но к званию человека не привык.

А. И. Герцен

Исторически интерес к наследию Герцена менялся волнообразно — от восторженного преклонения перед его идеями до замалчивания.

Противоречиво оценивали и философию Герцена: Ленин считал, что он был близок к вершине философского знания, вплотную подошел к диалектическому материализму, а Н. О. Лосский был убежден, что «этот человек не создал ничего оригинального в философии» [13, с. 80]. Понятно, что оцен-

ки вклада философов всегда в большей или меньшей степени субъективны. Трудно ожидать от Киркегора добрых слов о логике или этике Гегеля, не найдем мы, в свою очередь, хотя бы упоминания о Киркегоре-философе у сторонников гегелевской философии. Впрочем, Киркегора не называли философом долгие десятилетия, лишь к началу XX столетия о нем заговорили, стали переводить на европейские языки.

На рубеже XX–XXI веков о Герцене у старшего поколения память запечатлена преимущественно одной цитатой из статьи Ленина «Памяти Герцена»: «Декабристы разбудили Герцена». Нынешние студенты не вспомнят такой цитаты. Остался некий мемориал и только. Никто не попытался проанализировать «фигуру умолчания» вокруг Герцена в период явного господства западных пристрастий после крушения Советского Союза и обновления России. Казалось бы, западник Герцен своей политической публицистикой в «Полярной звезде» и «Колоколе» должен быть близок нынешним либералам, но, по-видимому, они не могли принять хвалебных слов о нем Ленина, а вместе с тем и критического отношения Герцена к западному мещанству, проявленному в период его эмиграции. Тем более Герцен не воспринят современными державниками, почвенниками, поскольку его антиправославные высказывания известны не в меньшей степени, чем западничество, он попадал тем самым в ряды предтеч разрушения национальной России.

Герцен философски не прочитан сегодня. Между тем интерес к нему испытывали не только Плеханов и Ленин. О нем писали Страхов, Гершензон, Шпет, Радлов, Струве, Милуков, С. Булгаков.

Рождение определяет многое. У Герцена год рождения — 1812. Год, не требующий пояснений даже для школьника. Романтика больших дел, подвигов поглотила его в юности. Он был увлечен Шиллером, французской литературой. Стремление к утопическому идеалу неотделимо от романтического мировоззрения — это осталось в Герцене на всю жизнь.

Русская философия в принципе антропоцентрична, ее в меньшей степени интересовали темы гносеологии, методологии, логики, особое внимание приковано к человеку. В. В. Зеньковский в «Истории русской философии» с некоторым недоумением отмечает, что биография выводила Герцена к позитивизму, ибо «его даже можно считать

родоначальником русского позитивизма (с его основной ориентировкой на естествознание), но основные философские искания Герцена — антропоцентричны» [10, с. 178].

Этот вывод Зеньковского, на мой взгляд, точен и справедлив.

Художника, писателя, русского писателя тем более, никогда не удовлетворит позитивизм и атеизм, секуляризм. Хотя Герцен немало написал критического о религии, о родном православии даже, он, как мыслитель, неотделим от художника, от внимания к человеку, к его свободе в особенности. Это обнаружилось в «Былом и думах», произведении, которое писалось почти до последних лет жизни, в переписке, в статьях литературно-критических, публицистических.

Дух философского поиска пронизывает уже ранние произведения Герцена — «Записки одного молодого человека». Это автобиографическое сочинение, но диалоги в нем не преследуют художественных задач, они скорее написаны в платоновской традиции, в них существенно движение мысли, а не характеры беседующих. Чувствуется, что автор погружен в диалектику немецких философов. В повествовании о стареющем Гете вдруг появляется цитата из «Эстетики» Гегеля: «Тело готово отпасть, и дух воспрянуть во всей славе и красоте своей бестелесности» [3, с. 114]. И диалоги Герцена здесь тоже антропоцентричны, они нацелены на разгадку тайн внутреннего мира человека: «Вы, поэты, именно изнанки-то и не хотите знать, а без нее индивидуальность не полна, не жива» [3, с. 115]. Попытки заглянуть вглубь человека выводят Герцена к аргументации вовсе не материалистической: «Идеализм доступен только высшим натурам; идеализм — одна из самых поэтических ступеней в развитии человека» [3, с. 111].

Герцен — плоть от плоти русский философ. Поэтическое отношение к миру сохранилось в нем всю жизнь.

В «Письмах об изучении природы» Герцен как будто бы стремится обозреть историко-философский процесс, но в действительности он расставляет акценты на тех фигурах, которые ему дороги, близки. Это особенно обнаруживается в реабилитации «непонятых и оклеветанных» софистов, в которых он видит «пышные, великолепные цветы богатого греческого духа» [6, с. 158]. «Порицатели софистов, — горячо убеждает читателей Герцен, — из века в век повторяющие плоские обвинения, свидетельствуют только свою ограниченность и сухой прозаизм своего рассудка» [6, с. 159]. Он и Сократа называет великим софистом и только оттого готов признать враждебность софистов к Сократу, что тот пошел дальше, чем они. Более всего ему близок Сократ тем, что «он осмелился поставить истину выше Афин, разум — выше узкой национальности» [6, с. 163].

Каждый находит в истории то, что ищет, а если не находит, то хотя бы объясняет своими предпочтениями. Как афористически сказал сам Герцен, — «Человек читает книгу, но понимает собственно то, что у него в голове» [1, с. 78]. История в полной мере испытала и продолжает испытывать западнические варианты безнационального бытия. Между тем реальные исторические прорывы и завоевания совершали и совершают народы и личности, не утратившие национального достоинства, национальной культуры, что не мешает им понимать и ценить истину и мировую культуру.

Герцен лучше кого-либо из современников постиг классическую немецкую философию, но спекулятивная философия, рационализм не могли овладеть душой русского мыслителя. Он искал правды жизни, искал идеальное, справедливое социальное устройство. Ему казалось, что на Западе он обнаружит реализацию идеалов республики, демократии, свободы, и с воодушевлением бросился из Италии в Париж, когда узнал о революции 1848 года, но разочарование его было велико. Герцен увидел то,

что немного позднее К. Леонтьев назовет «средним европейцем», болото буржуазного мещанства, «бесцветную воду всемирного сознания». «От нравственной гибели его спасла, по собственному признанию, «вера в Россию»» [10, с. 183]. И тут проявилось у него то, что более явно, обнаженнее зазвучит у Леонтьева — *эстетическая критика* западной цивилизации.

Удивительная закономерность: почти все русские западники, столкнувшись с реальным Западом, становились его критиками. Это не значит, что Герцен стал почвенником. Замечу, что Н.О. Лосский вполне определенно и по праву включил Герцена в раздел «Западники» [13].

К славянофильству Герцен всегда относился критичнее, чем к западничеству, если оценивать его отношение к персоналиям этих идейных течений. Ему дорога была социальная правда, но не национальные чувства, не русскость как мироощущение и шкала отношения к людям, к событиям.

Он был философом действия. Зеньковский подметил появление в языке Герцена особого термина: «одействование», «одействорять». Это явное движение в сторону гегелевско-марксистской терминологии, к деятельностному подходу, к опредмечиванию.

В статье «Буддизм в науке» Герцен говорит о разуме творящем, подчеркивая, что человек должен действовать в своем месте, в своем времени, в этом состоит его всемирное призвание [1].

В то же время все, связанное с социальным бытием, он подвергает оценкам, в этом смысле он если не родоначальник, то один из ярких аксиологов на русской почве. Зеньковский усматривает в единстве аксиологического и теоретического моментов понимания бытия религиозность Герцена. С этим трудно согласиться: Зеньковскому — религиозному мыслителю — хотелось квалифицировать талант Герцена как религиозный. Это слишком уж явно расходится с реалиями написанного самим Герценом.

Как в ребенке есть особенности, которых не увидит посторонний, но обнаружит любящая душа, так и в философе может открыться нечто совсем неожиданное для исследователя, желающего найти в философе свое, заветное.

Разве не удивительно, что Н. О. Лосский написал статью «Гегель как интуитивист»? Понятно, когда мы говорим об интуитивизме самого Лосского, но как рационалист, приверженец абсолютов, конкретно-всеобщего стал у Лосского интуитивистом? Эта грань философии, оказывается, действительно существует у Гегеля, но открыть ее смог только Н. О. Лосский, который фактически относит к интуитивизму гегелевский принцип тождества мышления бытия. «Под словом интуитивизм, — писал он, — я разумею учение о том, что познаваемый предмет, даже и в случае знания о внешнем мире, вступает в сознание познающего индивидуума в *подлиннике*, самолично и потому познается так, как он существует независимо от акта сознания» [12, с. 275]. Интуитивизм в трактовке Лосского оказывается безусловным для Гегеля, но далеким, неприступным даже для Канта, поскольку невозможность познать вещь в себе — это и есть отрицание возможности интуитивизма. «Нечувственное вовсе не есть сверхопытное», — подчеркивал в своих лекциях Н. О. Лосский [11, с. 237]. Заметим, кстати, что Лосский не одинок в трактовке опыта, И. А. Ильин много писал о философском опыте и, конечно, его позиция вызревала не без влияния философии Гегеля, о котором он написал глубокое исследование [9].

В главе «Московский панславизм и русский европеизм» Герцен ставит для читателей вопросы, которые ему представляются явно риторическими, имеющими однозначно отрицательный ответ: «В чем видно благотворное влияние восточной церкви? Какой же народ, из принявших православие, начиная с IV века и до наших дней цивилизовала она или эмансипировала?» «Славяне, — здоровая телом и душой раса, — разве

получили они от нее хоть что-нибудь?». Его ответ лишен двусмысленности: «Восточная церковь проникла в Россию в цветущую, светлую киевскую эпоху при великом князе Владимире. Она привела Россию к печальным и гнусным временам» [5, с. 481–482]. Это написано в 1850 году, то есть сорокалетним, зрелым мыслителем. От подобных оценок Герцен не отказывался и в более поздние годы.

Когда он перешагнул юбилей пятидесятилетия, запальчивость его в споре с противниками не ослабела: «Для вас русский народ преимущественно народ православный, то есть наиболее христианский, ближайший к веси небесной. Для нас русский народ преимущественно социальный, то есть наиболее близкий к осуществлению одной стороны того экономического устройства, той земной веси, к которой стремятся все социальные учения» [7, с. 222].

Конечно, нелепо спорить с Герценом, пытаться задать ему вопросы о «гнусных» временах Поля Куликова, где благословение Сергия Радонежского и подвиг иноков имели не меньшее значение, чем полководческий талант князя Дмитрия Донского, да и обо всех великих битвах — с поляками, французами, шведами, немцами. Разве Суворов, адмирал Ушаков, Кутузов не православной верой вдохновлялись и вдохновляли своих воинов?

Безрелигиозный антропоцентризм — это путь к эгоцентризму, то есть к антропоцентризму совсем другого типа. Герцену чужд эгоцентризм по его личным устремлениям, поскольку его устремления несут идеалы освобождения народа. Он даже пишет об общине (не славянофильски, но пишет о том же). Герцен полагает, что идеалы, совершенство способны существовать без Бога, в безрелигиозном обществе. Этим путем в значительной степени пошли Запад и Россия. Эгоцентризм поглотил души, эгоцентризм, который был неприемлем для Герцена, но сама логика безрелигиозности и прагматизма приводит к эгоцентризму.

Исходное утверждение наше нацелено на раскрытие антропоцентризма философии Герцена. В чем же антропоцентризм, если все нити его размышлений стягиваются к социальной проблематике, к поискам воплощенного социального идеала?

Обоснование антропоцентризма, и даже персонализма Герцена, следует искать не в аргументах его современников, а в следующем, XX столетии.

В 1927 году в Евразийском книгоиздательстве Парижа вышла небольшая книжка князя Николая Сергеевича Трубецкого «К проблеме русского самопознания». В предисловии он разъясняет самую существенную для него мысль о новом, расширительном понимании личности. Личностью, с этой точки зрения (ее развивал и Л. П. Карсавин), является не только отдельный человек, но и народ. Более того, совокупность народов, созидающих общую культуру, может рассматриваться как личность, поскольку творчество немислимо без личности, а культура создается творчеством народа или народов.

Разумеется, А. И. Герцен не мог еще столь явно выразить мысль, которая стала одной из основополагающих для евразийцев первой половины XX столетия. И, тем не менее, для Герцена народ, русский народ, был средоточием его размышлений. О русском народе он судил совсем иначе, чем славянофилы, но желал цветения народу. Такое цветение он совсем не связывал с православием, ему глубоко чужда была эстетика средневековья, но вызывала восхищение эстетика Древнего Рима. «В древнехристианском Риме не видать ни малейшего понятия об искусстве, никакого чувства изящного... Жизнь средневековая — печальная, суровая мумия наводит уныние... изнуренные постом и молитвой формы, образ монашеский и болезненный» [8, с. 84–85]. Насколько разительно отличается это впечатление Герцена от восхищения К. Н. Леонтьева перед культурой средневековья, которую он называл «цветущей сложностью»!

Герцена следует читать глазами всего критического опыта России, горького опыта, испытанного уже после прожитого и написанного Герценом. Что-то он опережал, не ведая о последствиях. Грядущая революция, полагал он, «должна убить монархический и христианский принцип», — в этом ему виделась обновленная нравственность. Вместе с тем он не обольщался либеральными устремлениями Запада: «Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм — тот же падающий мир» [4, с. 371]. Революционный дух пронизывал творчество Герцена, в том числе философское.

Жизнь в России, горячие споры с современниками давали пищу для философских размышлений. Покинув родину, а это произошло в возрасте 35 лет, Герцен покинул и классические темы философии, хотя, казалось бы, обретал и жизненную зрелость, и свободу, благоприятствующие философским занятиям (некоторые историки философии даже пишут о том, что он покинул с отъездом и философию вообще).

Ф. М. Достоевский называл Герцена «гражданином мира», в чем Г. В. Плеханов справедливо усмотрел «не малую долю иронии» [14, с. 740]. Достоевский расценивал позицию Герцена как разрыв с русским народом, с Россией. Конечно, Герцен и в эмиграции жил мыслями о России, но он готов был удовлетворить любые сепаратистские притязания Польши, Украины, если они соответствовали его представлениям о свободе. Г. В. Плеханов одобрительно констатировал в 1912 году, в год столетия Герцена, что «точка зрения Герцена в этом вопросе была точкой зрения автономии национальностей, их свободного самоопределения» [14, с. 740]. Как видим, эта конституционно оформленная впоследствии точка зрения Герцена — Плеханова — Ленина привела к полураспаду России и таит в себе вероятность ее полного распада на осколки национального самоопределения. Держава, консолидирующая в себе многие этносы, не может развиваться в качестве целостного

государства, если пойдет по пути «свободного самоопределения» национальностей, вплоть до отделения. Утопические проекты свободы, становясь реальностью, в конечном счете, способны привести к гибели державы и народов, ее составляющих. Либерализм уравновешивается консерватизмом.

Радикализм суждений не покидал А. И. Герцена от юности до последних дней, но он умел видеть слабости и славянофилов, и западников, и почвенников, и гегельянцев. Он напряженно искал идеалы личностного

бытия — индивидуального и народного. Интерес к творчеству Герцена не может иссякнуть, он всегда будет созвучен юным душам в их исканиях, выраженных страстно, проникновенно в «Былом и думам», но «Былое и думы», его «Колокол», «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», его статьи, письма (как об изучении природы, души человека, так и судеб мира) не оставят равнодушным самого философски взыскательного читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А. И. Буддизм в науке // Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 2.
2. Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 2.
3. Герцен А. И. Записки одного молодого человека // Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 1.
4. Герцен А. И. Московским друзьям // Сочинения. М., 1958. Т. 9.
5. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Сочинения: В 9 т. М., 1956. Т. 3.
6. Герцен А. И. Письма об изучении природы // Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 2.
7. Герцен А. И. Письма к противнику // Сочинения. М., 1958. Т. 8.
8. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Сочинения: В 9 т. М., 1956. Т. 3.
9. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М., 1918; переиздание СПб., 1994.
10. Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1.
11. Лосский Н. О. Введение в философию. Введение в теорию знания. СПб., 1911. Ч. 1.
12. Лосский Н. О. Гегель как интуитивист // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1933. Вып. 9.
13. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
14. Плеханов Г. В. Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце // Избранные философские произведения. М., 1958. Т. 4.

REFERENCES

1. Gertsen A. I. Buddizm v nauke // Sobranie sochinenij: V 8 t. M., 1975. T. 2.
2. Gertsen A. I. Diletantizm v nauke // Sobranie sochinenij: V 8 t. M., 1975. T. 2.
3. Gertsen A. I. Zapiski odnogo molodogo cheloveka // Sobranie sochinenij: V 8 t. M., 1975. T. 1.
4. Gertsen A. I. Moskovskim druz'jam // Sochinenija. M., 1958. T. 9.
5. Gertsen A. I. O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii // Sochinenija: V 9 t. M., 1956. T. 3.
6. Gertsen A. I. Pis'ma ob izuchenii prirody // Sobranie sochinenij: V 8 t. M., 1975. T. 2.
7. Gertsen A. I. Pis'ma k protivniku // Sochinenija. M., 1958. T. 8.
8. Gertsen A. I. Pis'ma iz Francii i Italii // Sochinenija: V 9 t. M., 1956. T. 3.
9. Il'in I. A. Filosofija Gegelja kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka. M., 1918; pereizdanie SPb., 1994.
10. Zen'kovskij V. V. Istorija russkoj filosofii. Parizh, 1989. T. 1.
11. Losskij N. O. Vvedenie v filosofiju. Ch. 1. Vvedenie v teoriju znaniya. SPb., 1911.
12. Losskij N. O. Gegel' kak intuitivist // Zapiski russkogo nauchnogo instituta v Belgrade. Belgrad, 1933. Вып. 9.
13. Losskij N. O. Istorija russkoj filosofii. M., 1991.
14. Plehanov G. V. Rech' na mogile A. I. Gertsena v Nitstse // Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M., 1958. T. 4.